

ЗАПАДНАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

УДК 101.1:316

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ: ПОИСК УСТОЙЧИВОЙ МОДЕЛИ РАЗЛИЧИЙ

С.В. Рассадин

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Статья посвящена изучению дифференциации феномена «социальное» в творчестве мыслителей классического Средневековья. Рассматриваются различные попытки дискурсивной трансформации целостного «*corpus christianus*» в сложную структуру феодального общества. Определяются наиболее значимые модели «социального» в схоластической традиции.

Ключевые слова: *средневековый социальный синтез, «социальное», «corpus christianus», модели различий, схоластическая мысль, дискурсивные трансформации.*

Стремление средневековых христианских мыслителей к формированию социального бытия по принципу «всемирного христианского царства», снимающего все социальные различия до полной неразличимости индивидов перед лицом Бога, и противоположное ему неизбежное вынужденное структурирование социального пространства в ответ на непрестанно усложняющиеся социальные вызовы действительности приводит социальную рефлексию к практически запрограммированной теоретической диссоциации. Фундированная концепцией Блаженного Августина о «социальном» как Граде Божьем – целостном, законченном бытии всех христиан (живших, живущих и будущих) – социальная мысль в условиях свершившегося распада Римской империи обречена искать новую модель описания сложно структурированного социального мира. Каким образом усложняется и развивается дискурс «социального» в условиях формирования средневековых социальных реалий? Какие варианты понимания «социального целого» предлагались в немногочисленных и отнюдь не центрированных на социальной рефлексии текстах?

Выдающийся современный социальный теоретик Никлас Луман принципиально отвергает саму возможность оформления социальной теории в Средневековье: «Средневековье не развило никакой теории общества и никакой теории всеохватывающей социальной системы. Представлению о всемирном христианском царстве (как *corpus Christi* в отличие от *corpus diaboli*) утвердиться не удалось. Дефицит социального синтеза компенсировался религиозно фундированным космосом сущностей, выказывавшим идентичные структурные признаки: целое, состоящие из частей, которым надлежит выполнять ту или иную функцию и которые специально для этого оснащены...» [5, с. 64]. Стоит отметить, что очевидное отсутствие артикулированной социальной концепции не отменяет постоянно осуществлявшуюся рефлексивную работу по «вписыванию» как повседневных, так и вновь возникающих социальных реалий в установленный вселенский порядок – *Ordo*. Монолитность и гомогенность «соци-

ального», как чаемое состояние сообщества людей, не отменяла для ранних и средневековых христианских мыслителей наличие групп людей не вписывающихся или, точнее «отпадающих», от всемирного христианского царства.

Наличие противоречий и конфликтов между людьми, обозначаемыми большинством средневековых христианских мыслителей через понятия «вражды» и «ненависти», объясняется греховной природой человека, детерминированной земными соблазнами. Таким образом постулирует существующие социальные противоречия крайне авторитетный для схоластических мыслителей Дионисий Ареопагит: «Невозможно ведь собираться воедино и быть причастным мирному соединению с Единым людям, разделившимся враждой друг против друга. Ведь если бы, просвещаемые созерцанием и знанием Единого, мы стали едины в единовидном божественном собрании, то не претерпевали бы впадений в частные пожелания, из которых проистекает страстная ненависть из-за материальных вещей к единовидным по природе. Так что я считаю, что священнодействие мира законополагает таковую единовидную и нераздельную жизнь, подобным основывая подобное и отдаляя от разделенных божественные и единенные созерцания» [2, с. 629].

Констатация «разорванного» состояния человеческого сообщества отражается и на концептуальном уровне. Латинские тексты средневековых мыслителей IX–XIV вв. задействуют множество греческих и латинских понятий, отсылающих к феномену «социальное»: «*koinonía*», «*communitas*», «*populus*», «*multitudine*», «*socialis*» и др. Причём использование данных понятий в большей степени носит ситуативный, не системный характер. Сложность процесса конципирования «социального» дополнялась множеством факторов. Во-первых, это и продолжившийся вслед за поздней Античностью процесс деурбанизации с соответствующей утратой полисного сознания и преобладанием сельского населения. Во-вторых, сложность гармоничного сочетания римских/имперских традиций, транслируемых различными механизмами культуры, и устойчивых варварско-языческих моделей существования. В-третьих, наличие на рефлексивном уровне религиозно фундированной сложной модели «метасоциального», включающей «социальные» нечеловеческие множества. Наконец, очень значимым видится и постулируемое христианством априорное расстройство человеческой природы, заданное первородным грехом. Последнее не только задаёт в качестве основного интеллектуального вектора дискурсивную работу по поиску решения проблемы восстановления утраченной гармонии человеческой природы, но и дезавуирует артикулированное ещё неоплатониками представление о «совершенном» целом человеческого сообщества¹. Всё сказанное, по мнению Н. Лумана, приводит к

---

¹ См. постулируемую Проклом установку на тотальную замкнутость, целостность и гармоничность всего сущего, включая человеческие «множества» и «устроения»: «они («умные боги». – С.Р.) возвращают к себе все разделенные устроения, а себя располагают среди Умопостигаемого; будучи знаниями, целыми во всем, чистыми и непознаваемыми, кипящими жизнями и в дополнение ещё и всесовершенными сущностями, благодаря собственному бытию они производят на свет все последующее, при этом никак не оскудевая в их выходе за свои пределы и не принимая при их рождении какой-либо добавки, – напротив, будучи отцами, причинами и вождями всего благодаря собственным неистощимым и беспредельным силам, они отнюдь не разделяются вместе с порождаемым и в выходе за свои пределы не оказываются внеположными самим себе, но в своем единстве управляют всеми множествами и устроениями и замыкают

принципиальной невозможности концептуального оформления феномена «социального»: «Итак, прежде всего, отсутствует всякое понятие для реальности социального как такового. Можно было вспомнить о *κοινωνία* и переводить это как *communitas* или как “социальная система”; и все-таки все еще отсутствует понятие целостности для всех *κοινωνίαί*, для всеохватывающей системы социального. И, следовательно, отсутствует и различие, при помощи которого это социальное можно было бы и отличить от всего несоциального, и обозначить» [5, с. 77–78].

Поиск универсального понятия, всеобъемлюще фиксирующего множество единоверцев (построенном в том числе и путём элиминации «других», в данном случае всех не-христиан), как отмечалось ранее [7], отталкивается от предложенного Аврелием Августином «*populus christianus*» и приводит к постепенной кристаллизации понятия «христианство» или «христианский мир». По мнению Э. Жильсона, первое задокументированное употребление данного понятия в смысле «христианского сообщества» принадлежит папе Николаю I (858—867) в письме византийскому императору Михаилу III: «Позиция Николая говорит об испытываемом им живом ощущении, что он возглавляет бесчисленный народ, который составляют все христиане уже одним тем фактом, что они – христиане» [4, с. 191].

Очевиден особый онтологический статус данной социальной общности. Фундированная учением Августина о *Civitas Dei*, эта модель «социальности» лишена мистической составляющей метасоциального Града Божьего. «Христианский народ» объединяет только земных, ныне живущих людей в наднациональное, надполитическое, внеязыковое (для представителей-интеллектуалов благодаря латыни) сообщество². Именно в рамках указанной модели организации «социального» оказываются вынуждены объяснять наличные социальные реалии средневековые мыслители. Тем самым, ключевой детерминантой этого специфического социального дискурса, предопределяющей все социальные различия, оказывается постулируемая близость к достижению единственной цели любого христианина – спасению души. «Социальное» целое (прежде всего, в рамках августинианской традиции), в силу этого, изначально представляющее собой монолитное *Ordo*, однородный Порядок человеческих персон, распадается на различные социальные группы, слои, в той или иной степени отстоящие от цели. Важнейшей причиной такого положения дел является тело, «плоть» человека, обладающая собственными желаниями и стремлениями. Именно «плоть» различает людей по полу, что в рамках мизогинистических установок христианства (заданных, прежде всего, в текстах апостола Павла) элиминирует из полноценного «социального» женщин, как существ априорно склонных к пороку. «Плоть» же ответственна за соблазны и грехи, что приводит к экспликации ещё

их круг подле умопостигаемого и неявного блага» [6, с. 310–311].

² См. у Э. Жильсона: «Христианский народ – это нечто совершенно иное, ибо, хотя он сам – земная реальность и этим отличается от *Civitas Dei*, образующие его связи носят духовный характер, а земными средствами он пользуется лишь с чисто духовными намерениями и ради достижения чисто духовных целей, как это проявилось, например, в крестовых походах. Таким образом, христианский мир – это совокупность всех христиан – личностей, умов, воли и благ, взаимодействующих во времени ради достижения религиозных целей Церкви» [4, с. 194].

одного важнейшего условия для социального различения в «христианском мире» – отношению к девственности/браку, т. е. отношению к сексуальности. О первостепенной важности данного фактора свидетельствует крайне богатая коллекция сочинений христианских мыслителей, прямо и ли косвенно посвященных девственности, браку, контролю за плотью и т. п.: например, тексты Амвросия Медиоланского «О сохранении девственности», Григория Богослова «Похвала девственности», «Советы девственникам», «К девам», «К монахам», «На целомудрие», Григория Нисского «О девстве. Письмо, содержащее увещание к добродетельной жизни», Ефрема Сирина «О девстве», Иеронима Блаженного «О сохранении девственности», Иоанна Постника «Послание к деве преданной Богу о покаянии, воздержании и девстве», Киприана Карфагенского «Об одежде девственниц» и др. Универсальность фактора девственности для всех социальных групп подчёркивается в сочинении виднейшего поэта и мыслителя начала IX века, епископа Орлеана Теодульфа (лат. Theodulfus Aurelianus; 750/760–821) «О всех сословиях века сего» (800 г. н.э.): «Ныне, благодаря Порождению Блаженной Марии, да будет мне речь к девам, или к мужам, или к женам, или ко вдовам, или ко власть предержащим, или к беднякам, или к рабам, нет у Бога другого разделения, чем заслуги. Потому слушайте меня вы все, кто по дару Христову девственен телом, я говорю ко всем вообще. Потому слушайте меня все, кто признает, что они суть то, что я говорю. И да постараются, чтобы и сердцем они были девственны; пусть так возрадуются о прибыли плоти, чтобы не иметь ущерба душе; <...>да молятся они о стойкости, чтобы для них никакая услада века сего или зависть диавола не удалила столь великий дар, не затмила столь великую ясность, не помрачила столь великий блеск, да держатся они твердо, чтобы не утратить невозвратного, чтобы не отказать телу в благодати ради одного мгновения удовольствия, не причинить позора душе по причине поврежденного образа красоты, если не победит их вождение. Если они послушают меня, сохранят себя; если не послушают, откажутся от того, что никогда не восстановят» [8, с. 158–159].

Проблемность телесности и связанной с ней сексуальности естественным образом распространяется и на женщин и на мужчин, но в условиях андроцентризма Средневековья оценке подвергался, прежде всего, статус мужчины. Именно этот фактор и становится ключевым инструментом «тонкой» дифференциации и дискурсивной настройки «социального» в рамках средневековой западноевропейской цивилизации.

Производители социального и политического дискурса – образованные и начитанные клирики – в условиях серьёзных политических баталий, связанных как с восстановлением империи (сначала Карла Великого, затем Священной Римской), так и с обострившейся благодаря Григорианским реформам папства Григория VII (1020/1025 — 25 мая 1085) проблемой верховенства власти, были вовлечены в активную работу по осмыслению и сборке наиболее приемлемой модели «социального». Ориентируясь на чётко установленный небесный порядок в творчестве Дионисия Ареопагита, они последовательно пытаются сначала в своих сочинениях, а затем и в действительности открыть и установить земной социальный порядок.

Первое различие, дискурсивно апробированное отцом церкви Григорием Великим (в православной традиции – Двоеслова, ок. 540 — 12 марта 604) в сочинениях «Моралии на Книгу Иова» и «Пастырское правило», закрепляет

принципиально самое важное социальное отличие между духовенством (клиром – *clerus*) и народом (*populus*). Эта бинарная оппозиция, по мнению Григория, изначально построена на принципе примата священства, миссией которого оказывается управление народом: «Ибо известно, что природа... производит всех людей равными, а только разность личных заслуг и достоинств их делает между ними различие; и это самое различие между собою людей, зависящее от относительных достоинств и недостатков их, Божественным промыслом направляется к общему взаимному их добру, именно: так как не все могут равно держаться с одинаковою твердостью, то одни обязываются подчиняться управлению других. Посему все правители прежде всего должны обращать внимание не на власть над подчиненными по своему положению, а на равенство с ними по природе своего происхождения, и утешаться не тем, что, они начальствуют над подобными себе, но тем, что, начальствуя над ними, они имеют возможность быть для них полезными» [1, с. 48]. Причина дистинкции – «твердость», очевидно, отражена в важнейшей новации, впервые узаконенной самим Григорием Двоесловом, – в celibate. Обет безбрачия, налагаемый на духовенство, становился обоснованием права священства на власть над народом и обеспечивал собственную юрисдикцию. Такой видят социальную реальность и более поздние западные богословы. Например, святой Фома Кентерберийский в письме королю Генриху II пишет: «Церковь Божья состоит из двух сословий — духовенства и народа...; среди народа живут короли, князья, герцоги, графы» (цит. по: [4, с. 249]).

Двухчастная модель социума с четким разграничением мирского и духовного и властным превосходством представителей последнего очень быстро оказывается неустойчивой, несмотря на постулируемую цель – социального единения в рамках единой Церкви. Социальная категория народа (*populus*) оказывается в действительности слишком многочисленной и разнообразной, чтобы оставаться цельной. В условиях усиления светской власти и выделения отдельного слоя – владеющих оружием социальный порядок оказывается под угрозой: «ибо в мироздании царит неравенство: одни повелевают, другие должны повиноваться. Следовательно, люди делятся на два состояния, определяемые происхождением, “природой”: одни рождаются свободными, а другие нет, одни “знатные”, другие – “сервы”. Они пребывают в таком природном положении, пока живут в той части мира, что осквернена грехом. В той мере, в какой они сообразуют свое существование с требованиями *ordo*, в какой они соблюдают божественный закон, велящий им жить так, как живут ангелы, в той мере, в какой им удастся избежать нечистоты, служители (или рабы) Божии освобождаются от того, что создает различие состояний. Стало быть, трещина остается только между мирянами» [3, с. 61].

Тем самым, для каролингских мыслителей, таких как Герард и Адальберон, оказывается насущной задача определения новой – трёхчастной модели социума, принципом построения которой должны стать функции выделяемых социальных групп. Выполнение данной задачи, в свою очередь, обуславливает поиск релевантной социальной метафоры, способной вместить в себя как двух-, так и трехчастную модель «социального» с учетом крайне запутанных распределений власти между порядком Папы и порядком Королей.

Список литературы

1. Григорий Великий–Двоеслов св. Правило пастырское или О пастырском служении / перев. с лат. Д. Подгурский. Киев: Тип. И. и А. Давиденко, 1872. 257+X с.
2. Дионисий Ареопагит. О церковной иерархии // Дионисий Ареопагит. Сочинение. Толкования Максима Исповедника. СПб.: Алетейя; Издательство Олега Абышко, 2002. 854 с. С. 567–736.
3. Дюби Ж. Трехчастная модель, или Представления средневекового общества о себе самом / пер. с фр. Ю.А. Гинзбург. М.: Языки русской культуры, 2000. 320 с.
4. Жильсон Э. Философия в средние века: От истоков патристики до конца XIV века / пер. с фр. / общ. ред., послесл. и примеч. С.С. Неретиной. 2-е изд. М.: Культурная революция, Республика, 2010. 678 с.
5. Луман Н. Самоописание / пер. нем. М.: Издательство «Логос», ИТДГК «Гнозис», 2009. 320 с.
6. Прокл. Платоновская теология / пер. с древнегреч., сост., статья, примечания, указатели, словарь Л.Ю. Лукомского. СПб.: РХГИ; «Летний сад», 2001. 624 с.
7. Рассадин С.В. Социальный порядок в концепции Августина: от «множеств» к «народу» // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия: Науки об обществе и гуманитарные науки. 2017. № 1. С. 180–184.
8. Теодульф. О всех сословиях века сего // Памятники средневековой латинской литературы. VIII–IX века. / отв. ред. М.Л. Гаспаров. М.: Наука, 2006. 480 с.

MEDIAEVAL SOCIAL SYNTHESIS: IN SEARCH OF THE STABLE PATTERN OF DIFFERENCES

S.V. Rassadin

Tver State Technical University, Tver

The article is focused on the analysis of the «social» differentiation phenomenon in the heritage of the classical mediaeval period thinkers. Different versions of discursive transformation of the «populus christianus» totality into a more complex feudal society structure are discussed. The most significant patterns of the «social» in the scholastic tradition are revealed.

Keywords: *Mediaeval social synthesis, the «social», «populus christianus» pattern of differences, scholastic thought, discursive transformation.*

Об авторе:

РАССАДИН Сергей Валентинович – кандидат философских наук, доцент кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: s_r08@mail.ru.

RASSADIN Sergei Valentinovich – Ph.D., Assoc. Professor, Department of psychology and philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: s_r08@mail.ru.